

ТАТЬЯНА МАКАРОВА

ФЕДОРА

ЛЮБОВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

18+

Татьяна Макарова
Федора

«Автор»

2026

Макарова Т.

Федора / Т. Макарова — «Автор», 2026

Размеренная жизнь владельца архитектурного бюро Галинского Глеба Васильевича пришла к концу после таинственного исчезновения его забитой и бесхарактерной жены Федоры. Во-первых, его заподозрили в убийстве, и только отсутствие тела не позволило заключить его под стражу. Во-вторых, Федора появилась также неожиданно, как и исчезла. Но появилась она другой: из забитой овечки она превратилась в натуральную стерву. А тут ещё ряд краж: офис, квартира матери, гибель заказчика... Нелегко пришлось бы молодому следователю Кириллу, если бы не Федора. Какой тайной владеет эта молодая женщина?

© Макарова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Татьяна Макарова

Федора

Глава 1

– Ты далеко собралась, идиотка?

Высокий красивый мужчина с надменным выражением лица смотрел на молодую женщину. Он сидел на диване, закинув ногу за ногу, время от времени ею покачивая. На нём были серого мышинового цвета брюки. В тон им – носки. На ногах – элегантные домашние тапочки.

– Сюда давай, – хлопнул он по дивану рядом с собой. – Шевелись! Ты меня услышала? Или ты ещё и оглохла?

Женщина сжалась и испуганно посмотрела на него. Ей хотелось исчезнуть, испариться, раствориться.

– Я не хотела, прости, пожалуйста, – прошептала она.

– Прощу, если постарайся, – усмехнулся он. – У меня мало времени. Обед скоро закончится. Давай уже, шевели конечностями. Точно мать говорит, Господь был слеп, когда я на тебе женился, – проворчал он, забывая, что именно мать и нашла ему невесту.

– Ты хочешь здесь? – спросила женщина, слегка успокаиваясь.

– Нет, в саду, чтобы соседи давали советы. Давай, у меня двадцать минут осталось.

Женщина облегчённо выдохнула. Если мужу захотелось секса, значит, её наказание отсрочится, а, может, и отменится. Правда, она не понимала, чем на сей раз прогневила супруга. Или свекровь пожаловалась? Женщина решила, что подумает потом, а сейчас по быстрому обслужит мужа.

– Я в душ, – проговорила она и почти бегом проскочила мимо.

– В душ? Могла бы и раньше принять. Ладно, жди меня там! – крикнул мужчина.

Он поднялся, расстегнул ремень на брюках, стащил их и бросил на диване. Следом расстегнул несколько верхних пуговиц на рубашке и стянул её через голову. Оставшись в носках и трусах, он пошёл следом за женой.

Из ванны раздался грохот.

– Ты опять что-то разбила? Или раковина рухнула под твоим бараньим весом? Криворукая! Вот бог наградил женой: кроме рожи никаких достоинств.

В коридоре было темно. Мужчина чертыхнулся, что она позакрывала все двери и не включила свет, в очередной раз обзвав жену, словно «идиотка» было её именем.

Прислушался. Из-за дверей ванной комнаты не раздавался шум воды. Он довольно улыбнулся.

– Надеюсь, ты вымыла свою киску, и она уже ждёт меня, выгнув спинку.

Он потянул на себя дверь стилизованную под морёный дуб со вставками из дымчатого стекла. Стекло было настолько тёмным, что свет из ванны угадывался по редким проблескам на угловых гранях вставок.

Переступив порог, он замер. Просторная ванная комната освещалась точечными светильниками. Свет отражался в полированных мраморных панелях.

Мужчина ожидал увидеть супругу у массивной деревянной столешницы, между овальными раковинами «под старину», но её там не было.

Вместо этого она сидела на полу душевого отсека, привалившись спиной к стене. Она так и не разделась. Ее веки были плотно сомкнуты, а дыхание — рваным и тяжелым, словно она пыталась сдержать рыдания.

– Чего расселась? Задрала уже строить из себя невинную жертву. На черта мне жена, если даешь два раза в месяц?

Его голос звучал резко. Он так надеялся на разрядку – с самого утра его всё раздражало, а секс мог бы вернуть ему самообладание и улучшить настроение. Ему это было необходимо. Сегодня важное заседание. Они должны подписать с заказчиком договор. Ему важно держать себя в руках. А эта кукла всё испортила!

Сидя на этом полу, она выглядела нелепо на фоне позолоченных смесителей и белоснежного фаянса. «Зажмурилась, будто ей противно на меня смотреть», – зло усмехнулся он.

– Давай уже, шевелись! Чего тянуть время? – бросил он, разглядывая своё отражение в зеркале.

Провёл рукой по подбородку. Ещё утром хотел заехать к мастеру освежить фейд, но из-за ремонта дороги не успел. Повернул голову: стрижка ещё в норме, но тоже не мешало бы подправить.

– Федька, вставай, хватит! – он с подозрительностью посмотрел на жену.

Внезапно он заметил, что его жена сидит на чём-то красном. Мужчина уставился, силясь понять, что это такое. До него не сразу дошло, что это кровь. Она медленно пропитывала ткань, растекаясь по белоснежной ткани акварелью. Этот алый цвет с размытыми краями казался чужеродным среди бело-серой сверкающей гаммы.

— У тебя что, месячные? — он брезгливо поморщился. — Так и сказала бы. Кто тебя только воспитывал?

Он протянул руку к женщине, но она не шелохнулась.

– Можешь оставаться здесь, сколько нравится. Дура! – Он сплюнул в раковину и демонстративно повернулся к ней спиной, давая понять, что уходит. Подождал. Тишина. Обернулся. Жена позы не поменяла.

Мужчина немного помедлил, размышляя: бросить её здесь или всё-таки «привести в чувства».

– Вставай! Я не могу опаздывать, у меня совещание по новому проекту, в котором ты, между прочим, тоже заявлена! Впрочем, пользы от тебя там, как от цветов на подоконнике — чисто для интерьера.

Жена никаких признаков сознания не подавала.

– Ладно, я пошёл. Считай, что я перехотел. Вечером пообщаемся. Слышишь! Вставай, оглохла, что ли?

Никакой реакции. Мужчина обернулся, сделал шаг в сторону женщины. Его жена, конечно, с причудами, но вот чтобы так. Обычно она начинала скулить, если не хотела исполнять супружеский долг, но такого спектакля ещё не разыгрывала. Его это бесило, он злился, обзывал, но насилие не проявлял. Однажды где-то услышал, что если женщину взять силой, она может с собой покончить, а этого он боялся.

– Только не говори, что ты так утомилась бездельничать, что уснула!

Он присел около супруги, тронул за руку и только сейчас он понял, что она без сознания.

– Черт, – выругался он, – поскользнулась, что ли. Ещё этого не хватало!

Глянул на часы, ещё раз выругался.

Из зала послышалась телефонная музыка. Он поднялся было, чтобы побежать к телефону, но в этот момент женщина слабо застонала. Мужчина снова опустился, просунул под спину и под колени руки, намереваясь приподнять.

Телефон, который успел замолчать, снова разразился мелодией.

– Да что б тебя! Идиотка, нашла, когда терять сознание.

Ему показалось, что дверь распахнулась. Он обернулся. Почувствовал удар. Свет погас.

Глава 2

Мужчина открыл глаза и уставился в потолок, силясь понять, что не так.

Потолок: обычный, белый. Вон, модная люстра по центру: три обруча, расположенные в пирамидальном порядке. Дорогая, между прочим, люстра.

Голова раскалывалась, будто получил сковородой по затылку. Нахмурился. «Получил по затылку», – почему-то эта мысль не хотела покидать черепную коробку.

Мужчина медленно поднял руку и с некоторым удивлением посмотрел на свои пальцы. Они слегка онемели, но двигались.

Откуда-то раздавалась знакомая мелодия.

«Телефон. Чёрт! Опять телефон», – ругнулся он про себя. Хотел сесть, но голова не хотела отрываться от велюровой поверхности дивана.

За витражом во всю стену появился чей-то силуэт, послышался стук в стекло, а потом голос домработницы:

– Глеб Васильевич, Глеб Васильевич! Откройте, Глеб Васильевич. У меня ключ...

Что там с ключом, он не понял. Пришлось подниматься. Слегка подташнивало. Шатаясь, как будто его укачало на «американских горках», он дошёл до двери. Попытался открыть, но замок заклинило.

Злясь то ли на дверь, то ли на полный упадок сил, Глеб прижался лбом к дверному косяку и устало проговорил:

– Галина Ксенофонтовна, не могу... заклинило. Вызывайте слесаря.

С этими словами он сполз по косяку на пол. Головокружение только усилилось, во рту пересохло так, словно он наелся песку.

Глеб прикрыл глаза. Звон в ушах не прекращался.

Вскоре за дверью послышалась возня, скрежет металла: кто-то ковырялся в замке с той стороны. «Грабители», – вспыхнула паническая мысль. Он начисто успел забыть, что сам послал за слесарем. Цепляясь за стену, он сначала поднялся на четвереньки, а потом и во весь рост. Он точно знал, что надо обороняться! Пальцы сами нащупали рукоять зонт-трости. Оружие! Дверь распахнулась, впуская слишком яркий свет: словно кто-то целенаправленно светил фонариком прямо в глаза. Глеб замахнулся и со словами «Убью, гады!» вывалился на крыльцо.

– Господи помилуй! Допился до белочки. Галина, вызывай скорую, он же невменяемый. Сейчас начнёт гоняться за чёртиками по посёлку в одних труселях! – прогундел мужской голос над головой.

– Да не пьёт он. Нет, может, и выпивает, но чтобы до беленькой... Это когда должен был начать, и чтобы я не заметила... Лучше помоги поднять хозяина.

Глеб почувствовал, как его поднимают под мышки и затаскивают в дом. Вернее, волокут, ибо мужчина он крупный, тяжёлый.

– А подштанники где потерял? – спросил всё тот же мужской голос.

– Где, где, на балде! – недовольно отозвался Глеб. – Да поставьте же меня немедленно на ноги!

– Упадёте опять, Глеб Васильевич. Надо скорую вызвать, – задыхаясь, проговорила Галина Ксенофонтовна.

Снова он лежал на своём любимом диване. Домработница положила ему на лоб мокрое и пахнущее уксусом полотенце. Глеб категорически был против приезда скорой.

Бойкий голос домработницы раздавался из кухни: «Сейчас я бульончик сварю вам куриный. Как чувствовала, специально курочку купила. Вкусненько будет. А где Федечка? Из университета ещё не пришла?»

При упоминании о жене Глеб скривился. Память медленно возвращалась: вот они собрались заняться сексом, и она побежала в ванную комнату. Он снял брюки... Глеб опустил глаза и только сейчас понял, почему было так неприятно ногам, когда его тащили. Он по-прежнему находился без брюк. Впрочем, из носков тоже оставался один, на правой ноге. С левой где-то затерялся. Стоп, а рубашка?! Он отчётливо помнил, что её снимал, а сейчас был в рубашке.

Глеб, придерживая одной рукой полотенце, принял вертикальное положение. Что-то красное мелькнуло на уровне глаз. Глеб опустил руку, сжимая в руке полотенце, и посмотрел на рубашку. Подсохшая кровь. Он почему-то не сомневался, что это слегка бурое пятно была кровь.

Кровь. Федька на полу. Телефон. Темнота. Картина медленно восстанавливалась. Если всё так, то жена должна быть в ванной.

Он поднялся и, пошатываясь, направился посмотреть. Чуть не споткнулся о собственные брюки, поднял их, но надеть не решился. Так и пошёл, закинув одну штанину на плечо, а другую волоча по полу.

В коридоре по-прежнему было темно. Чертыхнувшись в очередной раз, он остановился около дверей ванной комнаты. Почему-то было страшно открыть дверь. Он несколько раз касался пальцами дверной ручки и отдёргивал, как от удара током. При мысли: «А что, если Федька там мёртвая» его лоб покрылся холодной испариной.

Несмотря на головную боль, инстинкт самосохранения ему говорил, что алиби у него нет. Остаётся уповать, что жена жива: поскользнулась и потеряла сознание.

– Глеб Васильевич, вам помочь? Вы бы брюки-то надели, – Галина Ксенофоновна материализовалась рядом. Не дав ему опомниться, она толкнула дверь, включила свет и уставилась на плохо замытую кровь. При этом она водила носом точно собака-ищейка и морщилась: – Это что, Глеб Васильевич?

Домработница показала рукой на полотенце с красными разводами. Похоже, что им и вытирали кровь, а потом кинули в корзину с грязным бельём.

Глеб не отвечал. Он молча «шарил» глазами по яркой комнате, шурясь от света. Он осматривал сантиметр за сантиметром, будто искал десять отличий в мраморных панелях. В носу свербел запах крови и мыла. Вот он перевёл взгляд на корзину с грязным бельём. От вида окровавленного полотенца желудок выдал рвотный спазм. Дышал он тяжело, прикрывая нос и рот ладонью.

– А где... – Глеб поводит рукой, не в силах произнести имя жены. Его так и подмывало сказать «Идиотка», но так он её называл, когда они были вдвоём. Для всех окружающих они идеальная пара. Он – молодой и уже успешный бизнесмен, владелец собственного архитектурного бюро. Ему тридцать только исполниться, а он уже твёрдо стоит на ногах. Вот, даже позволил себе коттедж в этом элитном посёлке. Она молодая хорошенькая студенточка, почти законченный специалист по дизайну интерьеров. Это престижно. Это его семья вытащила девку из деревни, оплатила учёбу. Жена не просто красавица, она скромница, образец подражания. Никто и никогда не слышал, чтобы они ругались. У девушки странное имя: Федора. Глеб прилюдно её называл: Федунчик. Она его – Глебушка. – Где? – он выразительно посмотрел на присмирившую домработницу.

– Что? – переспросила женщина, пытаясь осмыслить, что здесь произошло.

– Федь... Федора где? Она была здесь, – Глеб ткнул пальцем туда, где последний раз видел свою жену.

– Где здесь?

– Ну здесь, на полу! – он начинал заводиться, но всё ещё пытался сдерживаться. Какая глупая баба, понять не может, что он про жену спрашивает. Где его жена?

– На полу? – как попугай переспросила Галина Ксенофоновна. – Я думала, она в университете.

– Какой университет! Она была здесь. Вся в крови! Просто жуть! – сказал и, глянув на лицо домработницы, понял: не то брякнул. – Она это, пошла в ванную. Грохот. Захожу. Она на полу, везде кровь. Тут телефон. Обернулся, а меня в лоб.

– Кто? – переспросила домработница, пятась назад. – Глеб Васильевич, не волнуйтесь. Я на кухню. Слышите, курица убежала. Вернее, вода из курицы.

– Да стойте же вы! – Он схватил было домработницу, но та, заметив на его рукаве кровавое пятно, так завизжала, что Глеб от неожиданности отпустил.

– Кровь! У вас весь рукав в крови. Это вы её? Да? Я к курице. Она на кухне. Курица. Убежала. Надо в кастрюлю обратно... – лепетала домработница, пятась от наступающего на неё Глеба. Только двигалась она не к кухне, откуда и правда раздавалось шипение: кипящий бульон заливал плиту, – а к входной двери.

Наконец, женщина развернулась и с криком выбежала из дома. Не чуя под собой ног, она бежала со скоростью олимпийского рекордсмена по пересечённой местности. Один раз она упала. Юбка треснула по шву. Туфель слетел. Она же подскочила и помчалась дальше...

Глеб хотел её догнать. Но сил не было. Он вернулся в зал. Открыл бар, достал оттуда початую бутылку водки. Налил себе в рюмку, выпил залпом, навалился на спинку дивана и прикрыл глаза. Будь что будет. Ему так плохо, что нет сил не то, что шевелиться. Думать.

Вскоре раздался вой полицейской сирены. «За мной», – подумал Глеб и стал натягивать брюки.

Глава 3

– Стало быть, Глеб Васильевич, вы говорите, что нашли жену в луже крови в ванной комнате.

Высокий, чем-то похожий на журавля, молодой следователь расставил ноги, заложив руки за спину, смотрел через витринное стекло в сад. Ему очень хотелось походить на Штирлица. Ещё будучи подростком, он пересмотрел энное количество раз сериал про легендарного разведчика, копируя позы, жесты, интонацию. Вообще-то, Кирилл мечтал стать разведчиком. Но стал следователем. Если быть точнее, то, как любил повторять молодой человек: «Я только-только вхожу в роль». Вначале его огорчал тот факт, что внешне на Штирлица он не был похож совсем, но потом успокоил себя, что войдёт в историю Кириллом Строевым. Не Исаев, конечно, но тоже звучит.

У Кирилла был длинный, острый нос, «зализанные» назад волосы, которые подвигались под мочками ушей. Примечательным был тот факт, что его тёмная шевелюра по бокам имела светлые прядки. Именно эти прядки и подвигались. Ноги у него были длинные. И когда он шёл, то создавалось впечатление, что слегка подпрыгивает, высоко вскидывая колени.

– Да, именно так и было, – выдохнул Глеб, обхватив руками голову и взъерошив пальцами светло-русые волосы.

– И где сейчас ваша жена? – Кирилл повернулся на каблуках лакированных ботинок и внимательно посмотрел на Глеба.

– А я откуда знаю?

Глеб недовольно окинул людей, «копошащихся» в его зале, и подумал, что вскоре вся округа узнает, что на дверях не морёный дуб, а имитация, на стенах не мрамор, а подделка.

– Осторожно, не поцарапайте паркет, – недовольно пробурчал он. – Что вы здесь-то ищете? Она была в ванной комнате. Ещё раз вам говорю, она пошла в ванную. Я услышал грохот. Пospешил ей на помощь...

– Она вас позвала? – перебил Кирилл мужчину. Тот отрицательно покачал головой. – Зачем тогда спешили? Может, шампунь уронила?

– Какой ещё шампунь! – взорвался Глеб. – Зачем ей шампунь, когда она пошла... – он осёкся, едва не ляпнув лишнего. Взяв себя в руки, добавил более спокойно, – в общем, пошла поменять полотенца.

– Я правильно вас понял, — жена пошла в ванную комнату, чтобы в обеденный перерыв сменить полотенце? А что, домработница не справляется?

В голосе молодого следователя проскользнула усмешка. Он не очень жаловал «мажоров», а что это «мажор» – не сомневался. Кирилл знал, сколько стоил метр земли в этом районе. Вряд ли ненамного старше его Глеб успел сколотить без чьей-либо помощи состояние. Хотя, возможно, взял кредит на покупку участка, плюс деньги на строительство коттеджа. А выглядел коттедж дорого-богато.

– Да что вы такое говорите! Я только вчера меняла полотенца! – не выдержала Галина Ксенофоновна. Она соскочила с дивана, придерживая одной рукой у лба влажную тряпицу. – Глеб Васильевич! Да как так можно! То есть я плохая домработница! Ну и оставьте без меня!

– Галина... Ксенофоновна! Успокойтесь! В общем, я не знаю, что нашло на Федору. Она сказала, что ей срочно надо поменять полотенца... И не надо никуда уходить. Послушайте! Вы будете искать мою жену или нет? – Глеб резко поднялся, отчего его брюки, которые он успел натянуть до приезда следственной группы, но забыл застегнуть, сползли, выставляя на обозрение его светлые боксеры.

И всё было бы ничего, если бы не женщина-эксперт.

– Подождите! Повернитесь! – она подошла к Глебу и бесцеремонно приподняла его рубашку. Пригляделась к боксерам и велела их снимать.

– Что? Прямо здесь? – опешил Глеб. – Ну, знаете ли, это слишком! Я буду на вас жаловаться.

– Сергей, сходи с товарищем, пусть переоденется. Да вещички с собой соберёт. – Кирилл снова отвернулся к окну. На сей раз причиной было не желание походить на Штирлица, а попытка не расхохотаться.

Когда Глеба увели, он подошёл к эксперту и тихо поинтересовался, зачем ей понадобились его трусы.

– Да разводы, словно он задницей пол подтирал.

– Подтирал, – встряла Галина Ксенофоновна. – Я же говорила вашим коллегам, когда я пришла, не могла дверь открыть. Попросила хозяина. А он до двери дошёл и рухнул. А когда слесарь замок вскрыл, Глеб Васильевич на нас с зонтиком кинулся. Ну и упал.

– Он что, без штанов был?

– Конечно, без штанов! – уверенно проговорила домработница. – Жена же дома была. Я думаю, что она и ванну пошла, чтобы... Ну вы сами понимаете... – женщина смутилась.

В это время Глеб вернулся. Он переоделся полностью в чистые джинсы и рубашку-поло. Короткие рукава открывали его накаченные бицепсы. Сейчас он казался другим: более подтянутым, спортивным.

Один из оперов прошёл мимо, шурша пластиковым пакетом со сложенной в него одеждой: «Я подумал, что ты захочешь всю исследовать», – сказал он и передал эксперту.

– Там на рукаве кровь. Я не знаю, чья это кровь. Я... – Глеб замешкался. Увидев недоверие в глазах Кирилла, он попросил разговора наедине.

Кирилл кивнул. Мужчины вышли в сад.

– Не вздумайте бежать, – предупредил следователь Глеба.

– Куда? – усмехнулся тот. – Послушайте. Это не для протокола. Обещайте!

Кирилл в недоумении приподнял бровь: «Говорите, я уже сам решу, что для протокола, а что нет».

– В общем, Федора утром была дома. Она не ходила в университет. Голова болела. Я приехал на обед, и за ней. У нас ожидалось заключение договора. Клиент заказал нам проектирование коттеджа. Вы знаете, у меня бюро. Мы ведём полный цикл: от идеи и до сдачи под ключ. В общем, Федора должна была присутствовать. Она отвечала за внутренний дизайн. Впрочем, отвечала – громко сказано, она просто «торговала лицом». Всю работу делала моя мама, а Федора... Я уже сказал. В общем, я приехал домой. – Глеб кашлянул, – Мы того... Вы меня, надеюсь, понимаете. В общем, Федора пошла в ванную. Я снял брюки, рубашку и пошёл за ней. Потом грохот. Смотрю, а она сидит в душевой на полу. Я сразу не понял, что она без сознания. Только когда увидел кровь...

– А где её одежда? – спросил Кирилл.

– Как где? В шкафу, – уверенно произнёс Глеб.

– То есть, она разделась и повесила одежду в шкаф? Но, насколько я понял, гардероб на втором этаже. Получается, ваша жена разделась, поднялась на второй этаж, повесила одежду...

– Да нет же. Она не раздевалась. Она одетая была. В белой юбке и светлой блузке. Этот, как там, фруктового цвета.

– Она не разделась, а вы разделись. Ничего не понимаю.

В это время из дома вышли сотрудники следственно-оперативной группы.

– Глеб Васильевич, – спросила эксперт, – а пол в зале вы чем затирали? Где тряпка?

Тот пожал плечами и посоветовал спросить у домработницы.

– Вот что, Глеб Васильевич, у нас убедительная просьба никуда не уезжать. Если что вспомните, обязательно звоните. Если жена появится, тоже будем ждать звонка.

– Меня не...

– Глеб Васильевич, никаких показаний без меня! – мужской окрик разрезал воздух, заставив всех, если не вздрогнуть, то обернуться.

От калитки к ним бодро «катился» невысокий круглый мужчина. Он удивительно напоминающий колобка, на которого по ошибке надели дорогой костюм. Солнечный зайчик весело плясал на дужках его круглой оправы. Весь облик пришельца лучился добродушием, но Кирилл, несмотря на скромный стаж, не обольщался. Перед ним был Артур Артур — самый коварный и дорогой адвокат в городе. Поговаривали, что раньше у него была другая фамилия, но теперь он значился в реестрах именно так: Артур Робертович Артур.

Рядом с «колобком» семенила женщина-великан. Её мелированные волосы сияли на солнце так интенсивно, будто она только что сошла с экрана рекламы краски для волос, обещающей вечную молодость.

– Мама? – удивился Глеб.

– Что «мама»? – женщина вскинула подбородок и окинула присутствующих взглядом из-под полуприкрытых век. Так смотрят на нерадивый персонал или на пятно на ковре. — Разрешите представиться: Галинская Глафира Ивановна.

Она протянула руку Кириллу, безошибочно определив, что он главный в этой компании. Делала она это с таким видом, словно оказывала царскую милость. Вероятно, руку следовало взять аккуратно за тонкие пальчики, увенчанные длинными ногтями в бело-голубых разводах и украшенные множеством колец всех калибров, поднести к губам и запечатлеть лёгкий поцелуй. Но Кирилл предпочёл поздороваться по-мужски, крепко пожав её ладонь и не без удовольствия отметив, что оно пришлось её не по вкусу.

– Артур Робертович, а вы здесь по какому вопросу? Ваш клиент – не подозреваемый, и не обвиняемый. Пока.

– Вот именно «пока», – мягко улыбнулся Артур.

– Федю нашли? – сухо спросила Глафира, а Кирилл подумал, что о пропавшей невестке в этой компании как раз думают меньше всего. И это, по его мнению, очень и очень подозрительно.

Глава 4

Что-то не давало покоя Кириллу. Он молча посмотрел в окно, потом взял в руки телефон и позвонил экспертам.

– Ну что там? – спросил он без объяснений, словно эксперты работали на него одного.

Эксперты, похоже, хорошо знали молодого следователя и без лишних слов понимали, какая ему нужна информация.

– Кровь на полу принадлежит не Галинскому. Вы уже запросили данные из поликлиники?

– Да, но что нам это даст? – пожал плечами Кирилл, – только группу. А что если её группа совпадёт с группой Галинского?

– Всё возможно. Между прочим, странно получается. Глеб Галинский утверждает, что жена сидела в луже крови. А на полу замытая кровь это эпистаксис, носовое кровотечение.

– А в ванной?

– А в ванной – нет. Там капиллярная. Сейчас закончим заключение и скинем.

– А на крыльце?

– А на крыльце крови нет. След обрывается на пороге.

Кирилл на мгновение замолчал.

– Что же выходит: её тащили до порога, а потом? Куда она делась потом?

В трубке послышался смехок: «Кирилл, кто из нас следователь? Вот и думай сам».

Кирилл отложил трубку и задумался.

Обход соседей ничего не дал. Во-первых, часть из них просто отсутствовала. Во-вторых, другая попросту не интересовалась происходящим вокруг. Обслуживающий персонал тоже ничего интересного не сообщил. На территорию посёлка посторонние машины не проезжали. Выехало всего три машины: одна из них принадлежала соседу Луке Воронцову, вторая – другому соседу Григорию Бортникову, а третья – начальнику охраны.

«Интересно, – пробормотал Кирилл, – а как же остальные жители покидали посёлок. Не на общественном же транспорте они передвигались», и, решив, что этот вопрос недостаточно проработан, он решил съездить ещё раз на место происшествия.

Получив от начальства «добро» в виде волшебного «пенделя», Кирилл с чистой совестью отправился в посёлок.

Забив в навигатор адрес, Кирилл с удивлением обнаружил, что к посёлку шли две дороги: одна была съездом с автотрассы, а вторая – просёлочная. «Странно, – подумал он, – они говорили про один пункт охраны. Или с другой стороны нет ворот, или там нет охраны».

Недолго думая, Кирилл решил поехать просёлочной дорогой. Вскоре однако начал жалеть о принятом решении. Порой ему казалось, что у машины колеса квадратные, а на въезде в деревню он окончательно перестал чувствовать копчик.

– До коттеджей проехать можно? – спросил Кирилл, останавливаясь около машины с поднятым капотом и выглядывая из окна своего внедорожника.

– Можно, если не боишься без колес остаться, – хмыкнул мужчина с красным обветренным лицом и крупными мозолистыми руками. – Ехай кругом, по трассе быстрее будет.

– Помочь? – Кирилл заглушил мотор и вышел из машины.

Мужчина недоверчиво посмотрел на парня. Уж больно молод.

– А могёшь?

– Могу, – уверенно ответил следователь, закатал рукава и заглянул в мотор.

Ремонтировать машины Кирилл научился ещё от деда. Тот постоянно пропадавал в гараже и заботился о старенькой копейке как о любимой женщине. И сейчас Кирилл с благодарностью думал о деде: «Приеду в гости, подарю ему набор для полировки фар».

За работой и разговор лучше строится, и детали вспоминаются. Так Кирилл узнал, что утром по этой дороге проезжала машина: «Баско какая красивая. На солнце блестит как бриллиант, веришь?»

– Верю, а раньше видел эту машину?

– Неа, при мне не прыгала здесь.

– Почему прыгала? – не понял Кирилл, обтирая тряпицей руки.

– Дорога у нас такая, для попрыгунчиков. Эти, – мужик кивнул в ту сторону, где должен находиться посёлок, – разбили её.

– Как разбили? – спросил Кирилл, но в этот момент мимо них прогромыхал КамАЗ с привязанными бетонными балками. – Понятно. А что, калитка открыта?

– Какая калитка? – переспросил мужик. – А, нет, там забор снесён. Вечером вроде овчарка бегаёт, а днём её в загон запирают.

Кирилл попрощался с мужиком и продолжил путь по разбитой ухабистой дороге.

Ехал он аккуратно. Дорога извивалась и проседала под колёсами. Машина переваливалась, словно старая утка. За поворотом показалась раскуроченная поляна, словно совсем недавно прошёл ураган: тут и там торчали сломанные стволы, вырванные с корнем деревья, огромные комья земли и глубокие рытвины.

Он оценил шансы проехать дальше как невысокие, но рискнул. В конце концов раз кто-то выехал, то почему бы не заехать?

Но вначале Кирилл решил осмотреться. Как это и полагалось, где стройка – там и мусор. И как вишенка на торте – на самой вершине кучи стоял женский туфель. Кирилл обошёл, принаравливаюсь, как бы сбить получше. Лезть на кучу – не вариант. Подобрал шишку, Кирилл размахнулся и запустил в туфель, но тот лишь покачнулся.

– Мужик, тебе тапок нужен? – услышал он откуда-то сверху. Обернулся на голос. Кричал ему водитель передвижного крана, стоявшего за забором. – Твоя Золушка потеряла? Тыкву, правда, крысы сожрали, – захохотал говоривший.

– А давно этот тапок здесь лежит?

– Давно, уже с неделю. Нет, вначале он лежал внизу. А мы с мужиками решили его поднять. Для принца испытание, – и он опять заржал.

– Тогда это не моя принцесса. А ты не видел сегодня девушку? Такую, с длинными волосами. Темными, – поинтересовался Кирилл, достал телефон, нашёл нужный снимок, зашёл за забор и показал водителю.

Тот, не выходя из кабины, перегнулся: «Эту? Эту видел. Не сегодня. Она иногда гуляет по посёлку. Имя у нее смешное. Мальчишеское. Не Васька, но типа того».

– Федора, – напомнил Кирилл.

– Точно! Федорино горе. Федька.

– А почему горе-то?

– Как почему? Ты сказку не читал, что ли. Из окошка вывалился стол и пошёл, пошёл, пошёл. Мой пацан, слышь, пацан у меня, ему пять исполнилось, попросил подарить ему самовар и тараканов, – засмеялся весёлый водитель.

– И что, подарил?

– Самовар или тараканов? А чего ты её ищешь?

– Понравилась, – Кирилл решил попридержать «реальную» историю.

– Ты не балуй, у неё свекровь – стерва.

– Что? Достается девчонке?

– Девчонке – не знаю, а нас уже задрала. Мы, видите ли, грязь по посёлку развозим. Я ей предложил колёса мне помыть, – продолжал веселиться водитель. – А девчонка часто к озеру уходила. Печальная. Может, случилось что у неё.

– А муж?

– Что, муж? Муж как муж. Вежливый. Говорят, что по его проектам полпосёлка построили. Богатый.

В голосе водителя прозвучало уважение.

– А как с женой отношения?

– А я почём знаю? Свечку не держал. На людях не ругаются. Да и я дальше стройки не езжу. Слышь, ты если этой дорогой хочешь, держись левой стороны. Там специально доски положены.

– Для кого? – не понял Кирилл.

– Для тех, кто в этой части живёт. Им лень через проходную ездить, там контроль всякий, вот они этой лазейкой и пользуются.

– И ночью?

– А я почём знаю, – пожал плечами водитель.

– Этот архитектор, муж Федоры, тоже этой дорогой ездит?

– Зачем? Он около проходной живёт. А вот местное жиголо – этой, – и, увидев недоумение на лице Кирилла, водитель поспешил пояснить, – Гриша Бортников. Ему его баба машину купила, серебро. Блестит на солнце, что глазам больно.

– А в каком он коттедже?

Водитель показал рукой на ближайший к лесу коттедж. Кирилл попрощался и продолжил путь.

Заехав в посёлок, он поставил свою машину в тень и пошёл пешком. Машина Глеба Галинского стояла со стороны улицы. Это показалось Кириллу странным. Он присел и принялся рассматривать протекторы. «А ведь он через посёлок проехал, а нам говорил, что через проходную, – подумал следователь, поддев в палочкой комок глины с торчащей из него хвоей, застрявший в ламели. – Солгал? Думал, что не прознаем про вторую дорогу? Н»

Глава 5

Рабочий день близился к завершению. Об этом свидетельствовало нарастающее оживление посёлка. Машин стало заметно больше, чем с утра. Вот и бриллиантовая лихо пролетела, разбрасывая комья грязи.

Кирилл, встав под тень раскидистого дерева без названия (он никогда особо не интересовался флорой, и все деревья у него делились на три категории: ёлки, кусты и берёзы), принялся наблюдать за местным «жиголо».

Водительская дверца распахнулась, и из машины выскочил пёстрый Бортников. Кириллу показалось, что парень начисто лишён вкуса: жёлтый пиджак, красные брюки, оранжевая шляпа. Молодой человек оставил машину со стороны улицы и направился через калитку к мини-дворцу. Впрочем, в этом посёлке «нормальных» домов не наблюдалось.

Следователь обошёл сверкающий внедорожник. Машина была так забрызгана, словно водитель специально искал места с глубокими лужами.

– Что-то ищете? – раздалось над ухом громкое чавканье.

Кирилл выпрямился и посмотрел на подошедшего. Григорий Бортников уже успел переодеться. Сейчас на нём были широкие в дырку джинсы и непонятного цвета растянутая во все стороны футболка. Следователю так и хотелось спросить, у какого бомжа молодой человек позаимствовал прикид.

– Разрешите представиться... – Кирилл назвал, не забыв упомянуть должность. Вероятно, ему хотелось произвести впечатление на «жиголо», но вряд ли ему это удалось, ибо молодой человек улыбнулся во весь рот, обнажая ровный ряд белых зубов.

– А я Гриша Бортников. Видали?

– Кого? – не понял Кирилл, ибо он не ожидал вопроса в таком стиле.

– Как кого, меня? Или вы не следите за модными тенденциями?

– А, – потянул следователь, – это так называется.

И он не удержался от насмешки, правда, тут же спохватился и посерьёзnel.

– Это? – Григорий провёл рукой сверху вниз, – самое то для мытья машины.

– Вы будете мыть машину? – удивился Кирилл.

– Ну да, а что здесь такого? Я к ней как к женщине отношусь. Никому не доверяю. Да и на мойку смысла нет ехать, всё равно заляпанная будет.

– Аккуратнее ездить не пробовали? – Кирилл поймал себя на мысли, что беседовать с этим мажором приятно и легко.

– Куража нет, – засмеялся Григорий. – А чего эска делает в нашем посёлке? Убили кого или ограбили опять?

– И часто у вас грабят?

– Бывает время от времени. У Клавдии на той неделе пропало кольцо с бриллиантом. До этого у Воронцова какие-то документы.

– И что говорит полиция? – спросил Кирилл, пытаясь вспомнить, слышал ли он раньше про эти ограбления.

– А ничего. Не заявлял никто. Клавдия подозревает, что сама где-то обронила. А Воронцов свою охрану заставил выплатить убытки.

– Какие убытки?

– Я что, Воронцов? У него и спрашивайте. Домработница Воронцовой нашей рассказала, а наша мне. А у Крышкиных собака отравилась. Говорят, что всю ночь лаяла, видимо, кроликов гоняла. А утром нашли собаку мёртвую, рядомдохлый кролик валялся.

– У вас здесь кролики водятся?

Бортников только плечами пожал.

– Ну а у Галинских ничего не пропадало?

Задавая этот вопрос, Кирилл внимательно следил за выражением лица Григория, но тот ответил как ни в чём не бывало:

– Не слышал. Да и у них постоянно Федька дома.

– А она разве не учится?

Григорий пожал плечами: «Если и учится, то заочно».

– А я слышал, что она ещё подрабатывает в бюро мужа.

– Может быть. Она не очень общалась с нами. Всё больше сама по себе.

В это время подъехала вторая машина: букашка небесно-голубого цвета. Машина притормозила около мужчин. Стекло со стороны водителя опустилось, и Кирилл увидел женщину. Сколько ей лет, он затруднялся сказать. Ей могло быть как тридцать пять, так и все пятьдесят.

– Чего стоим, молодые люди? – спросила она, оценивающе оглядывая Кирилла.

– Да вот, следовательно интересуется Галинскими, – Григорий улыбнулся.

– Почему Галинскими? Я про всех спрашиваю. Говорят, кражи у вас происходят каждый день.

– Федьку-то нашли? – без предисловия спросила женщина.

– А что, сбежала?

Почему-то удивления в голосе Григория не послышалось. Скорее, присутствовали нотки какого-то восторга: «Неужели осмелилась! Вот это да!»

– Почему сбежала? – Кирилл перевёл взгляд от Григория на женщину, но та лишь махнула рукой, призывая следовать за ней.

Дом Клавдии и Григория внутри оказался очень уютным. От деревянной отделки пахло смолой и детством. На стенах висели пейзажи неизвестных Кириллу художников: деревенский дом, скрытый сиренью со стороны забора; скамейка под цветущей яблоней; палисадник с огромными разноцветными георгинами.

– Красиво, правда? – женщина неслышно подошла к Кириллу, который словно зачарованный смотрел на эти сельские картины. Он явственно чувствовал сладковатый запах клевера и слышал мычанье коров. Картины словно воскресили в мозгу забытые воспоминания. Где это было? Когда это было?

– Это чьи работы? – спросил следователя, с трудом отрывая взгляд от картин.

– Отец, – женщина кивнула в сторону Григория. – Талантливый был до безумия. Пил, впрочем, так же. Не пил бы, прославился.

– Не прославился, – как-то необычайно зло процедил парень, – ему говорили: «Неактуально». Если мать его не бросила. Не погналась за карьерой...

– Григорий, хватит... – оборвала его женщина.

– Вы мне расскажите про Федору и Глеба, – вмешался Кирилл. Парню явно было неудобно. Кроме того, следователь задавался вопросом, почему эту странную пару люди считают любовниками. Они, скорее, родственники.

Женщина попросила пару минут переодеться, а Григорию наказала включить чайник. Вернулась она быстро: на ней был спортивный костюм кораллового цвета. В сочетании с пышными белыми волосами он придавал ей сходство с матерью Барби. «А что, они вполне могут быть матерью с сыном, если она его родила лет в восемнадцать», – почему-то подумалось Кириллу. Впрочем, он отмахнулся от этой мысли, ибо к делу она вряд ли имела отношение.

– А что рассказывать? – женщина уселась на стул вместе с ногами.

Григорий тем временем накрывал на стол: поставил корзинку с хлебцами, тарелочку с тонкими пластинками колбасы и сыра, чашечку с оливками. В центр стола он водрузил стеклянный заварочный чайник, в котором раскрывалась красивая розовая спираль.

От Клавдии он с удивлением узнал, что раньше в деревне, через которую шла первая дорога, у родителей Глеба был дом. Однако после внезапной смерти его отца (врачи диагно-

стировали сердечный приступ, хотя до этого мужчина был здоров как бык), дом сгорел. Одни поговаривали, что Глафира Ивановна сама его подожгла, другие утверждали, что на пожарище видели покойника. Так или иначе, но дом выгорел до основания. Мать Глеба заявила во всеуслышание, что вместе с домом сгорели все документы. Когда Глеб захотел обосноваться в посёлке, Глафира Ивановна поначалу была против. Никто не знает, когда Глеб женился. Переехал он в посёлок уже с женой. Федьку считали все немного чокнутой. Нет, она не дичилась людей, но к общению не стремилась. По утрам вместе с Глебом занималась пробежкой. Поговаривали, что девушка училась то ли на дизайнера, то ли на садовника. Так или иначе, но в саду она проводила много времени. Всегда приветлива, но не любопытна и мало улыбочива.

– Может, он её бил, – спросил Кирилл.

– Нее! – протянул Григорий, – мы с ней в прошлом году на озере вместе загорали, – и увидев изумлённый взгляд Клавдии, поспешил поправиться: – Между нами ничего не было. Она просто недалеко от меня лежала на полотенце. Икупалась в озере, а потом мимо меня прошла. Знаете, какой у неё купальник? Мини! Клянусь!

– А ты и пялился на неё! – глаза женщины гневно сверкнули.

– Ничего я не пялился. Между прочим, Клавдия, ты думаешь, я не вижу, как ты смотришь на банкира. А он, между прочим, когда Федьку видит, только слюни не подтирает.

– Замолчи! – рявкнула женщина, моментально теряя всю степенность.

– А что замолчи! Между прочим, на Федьку здесь все мужики пялились. Я бы на месте Глеба не оставлял её без присмотра. А он мазохист какой-то: ревновал её до беленькой и оставлял здесь без присмотра.

– А откуда ты знаешь, что он её ревновал? – вклинился в разговор Кирилл.

– Слышал! Он на людях был пайнкой: Федечка да Федечка – соловьём пел. А когда двери закрывал, орал так, что на улице слышно. Какими только словами он её не называл.

– А она?

– Не знаю, её неслышно было. Только его.

– А ты, стало быть, подслушивал, – с вызовом спросила Клавдия.

– Почему подслушивал... Ничего я не подслушивал...

– Так за это он тебе фингал поставил? Поймал, значит...

Григорий виновато кивнул, а потом, оборачиваясь, словно опасаясь кого-то, проговорил полупрошептом: «Я думаю, он её убил. Он сегодня по нашей дороге уезжал. Ну не через проходную, а здесь...»

– По грязюке? – уточнила Клавдия.

– Ну да, по грязюке. Смотрю, а он за старый дуб съехал, на бывшее пожарище, и в сарайчик нырнул. Наверно, Федьку убил и там запрятал.

– Среди бела дня? – усмехнулась Клавдия. – Гришка, кончай пить. Как отец кончишь.

– Да не пью я. А зачем тогда на сарайчик амбарный замок повесил. Я потом проверил, а там кровь. На тряпице. Я же не знал, что Федьку того. Иначе сломал бы дверь.

– Ломать не надо, – Кирилл достал сотовый и набрал начальника.

Глава 6

Кирилл покидал дом Бортникова со странным чувством.

«Вряд ли Григорий причастен к похищению? Проверить его, конечно, нужно. Не так всё чисто в их королевстве, но... Что они скрывают? А главное: кто они друг другу?» – следовательно не спеша шёл по тихой улице элитного посёлка. Машина его осталась около дома Бортникова.

Посёлок не был слишком большим, да и «слушать надо ногами», как любил поговаривать его отец.

Внезапно запах жареного мяса долетел до ноздрей Кирилла. Он остановился. Вспомнил, что наступило время ужина, а он ещё и пообедать не успел.

«Итак, что мы имеем, – подумал молодой человек, – Федора полностью зависела от мужа. Счастливой она не была, что подтверждают чуть ли не все опрошенные, но и несчастной – тоже. Семья как семья: на людях не ссорились, а что там происходило за дверями, никто не знает. Поехали дальше: Глеб умолчал, что выезжал через стройку. Умышленно? Или просто забыл? Если с его слов жена с утра была дома из-за головной боли, то зачем он вернулся в обед? На заботливого мужа непохож. Утверждает, что жена сидела на полу душевой кабинки в одежде. Причём на одежду он делает акцент, словно это был нонсенс. Ребятам я уже попросил покопаться в делах Глеба, а также в его прошлом. Григорий называет брак Глеба и Федоры мезальянсом. Почему? Из-за разницы в возрасте? Будь ему за сорок, а ей и двадцать нет – я бы понял. Федоре двадцать один, Глебу двадцать девять. В нашем возрасте это не очень существенная разница. Социальное положение? Бред какой-то для нашего времени. Будь он из семьи дипломата, а она из доярок, я бы понял. Я бы понял... Но чего-то я не понимаю. Первое: кому выгодно исчезновение девушки?»

Если Глеб Федору не любил, брак их держится на чём-то другом, то исчезновение или даже смерть девушки, ему только на руку. Поехали дальше, мать Глеба. Судя по тому, что я увидел, для неё девушка – обслуживающий персонал её обожаемого сыночка. Не будет её, кто станет ему сопельки подтирать? Конкурентам? Или самой Федоре? А что если между супругами возникла ссора. Он её толкнул. Она ударилась головой о кафедру. Он испугался... Тогда он должен был спрятать тело. Где? В коттедже ничего не нашли. В саду земля не тронута. На камеры на улице она тоже не попадала. Все камеры рабочие, как ни странно. Или преступление заранее не планировалось, или же, наоборот, слишком хорошо планировалось, и у всех есть алиби...»

Кирилл не сразу понял, что его насторожило. Вот уже несколько минут он стоял напротив высокого, но узкого коттеджа, похожего на небоскрёб. Вокруг простиралась огромная лужайка с газоном, стриженным под ноль, с размещёнными в строгой геометрической последовательности круглыми клумбами. Словно некто до миллиметра измерил расстояние от одной «цветочной грядки» до другой.

«Алгебра до безобразия», – почему-то подумал Кирилл и нехотя перевёл взгляд на мужчину. Тот стоял на балконе второго этажа и не отрываясь смотрел на следователя. Кирилл мог поклясться, что глаза у мужчины должны быть тёмно-серыми с лёгкой синевой по окружности радужки.

– Добрый вечер, могу с вами поговорить? – крикнул Кирилл смотрящему, вспоминая, что на момент опроса в этом коттедже им никто дверь не открыл.

Мужчина не произнёс ни слова, но махнул в ответ, а потом исчез с вида. Практически сразу Кирилл услышал шелчок и чей-то голос: «Проходите».

Следователь толкнул калитку.

Участок, который он видел через забор, теперь поразил его ещё сильнее: здесь всё подчинялось законом математики. Скамейка стояла строго параллельно дорожке, альпийская горка –

перпендикулярно. Ни одной изогнутой линии, не одной дуги или сферы: только прямые линии, которые пересекались под разными углами.

Из дома вышел мужчина. Именно он стоял и наблюдал за Кириллом.

– Я вас слушаю, – голос мужчины прозвучал идеально вежливо, но холодно, словно он был королём Северного полюса.

Кирилл представился.

– Лука Воронцов, банк «Золотая прочность», – назвался, в свою очередь, мужчина.

Немного помедлив, словно взвешивая, стоит или нет, он всё-таки протянул руку следователю. Кирилл подумал, что банкир явно относится к хладнокровным. А ещё его поразило, с какой точностью он определил цвет глаз банкира. «Не хотел бы оказаться в числе его врагов», – мелькнула мысль у следователя.

Воронцов смотрел сверху вниз, словно оценивая рыночную стоимость.

– Наверно, вы уже слышали про нападение на вашего соседа и исчезновение его супруги.

– Федоры?

Кирилл подумал, что впервые слышит «Федора», а не «Федька».

– Да, Федоры. Вы сегодня где были? – он назвал время, когда предположительно девушка исчезла.

– Я? Почему вы меня об этом спрашиваете? Вы подозреваете меня?

«Странная манера отвечать вопросом на вопрос», – мысленно отметил про себя Кирилл.

– Да, вы. Где вы были?

– В банке. У нас каждое утро планёрка. Вы хотите, чтобы я расписал поминутно свой день?

– А можете?

– Разумеется. Будете записывать на диктофон, или для вас следует подготовить подробный отчёт?

– Пока что на диктофон, – Кирилл достал из кармана смартфон и активировал приложение звукозаписи.

Речь банкира была ровной, можно сказать монотонной. Минуты через три Кирилл понял, что давно уже не слушает собеседника, а витает в своих мыслях.

Он поднял глаза и увидел, что Лука стоит молча, не мешая молодому человеку пребывать в полусонном состоянии.

– Простите, – смутился Кирилл. – Я поражаюсь, как хорошо вы помните свой день, словно заранее готовили себе алиби.

Лука рассмеялся. Смех у него имел металлические нотки.

– Нет, просто я заранее планирую свой день, чтобы не терять напрасно время. Надеюсь, что я покидаю ряды подозреваемых? У вас ещё есть вопросы? Если нет, я пойду. Мне надо поработать.

– Есть, – Кириллу не хотелось отпускать банкира. – Что вы скажете о взаимоотношениях в семье Галинских?

Воронцов показал Кириллу рукой на беседку. Пока они шли, Лука не произнёс ни слова, и Кирилл подумал, что тот готовит ответ. И не ошибся.

– О друзьях, как и мёртвых, или хорошо, или никак, – Лука опять засмеялся своим металлическим смехом.

– А вы были друзьями?

– Почему были? Мы и сейчас друзья. Я был свидетелем на свадьбе у Глеба и Федоры. Сейчас, ирония судьбы, свидетель преступления.

– А вы свидетель? – Кирилл иронически поднял одну бровь.

– По Уголовному кодексу есть свидетели, подозреваемые и обвиняемые. Разве не так? Если я не свидетель, то кто тогда? – резонно заметил банкир.

– Хорошо, так что вы можете сказать? Какие у них были отношения?

– Странные? Вам рассказывали, как они встретились? Мать Глеба всегда мечтала найти удобную невестку. Она часто повторяла, что погоду в доме делает взаимопонимание матери мужа с его женой. Ни одна из женщин Глеба не могла добиться благосклонности Глафиры Ивановны. Федору нашла она. Где-то в деревне. Когда Глеб объявил о скорой свадьбе и представил нам Федору, мы были поражены: красивая, скромная, на Глеба смотрела как на бога. Она была его апостолом. Глафира Ивановна утравила девушку на платной основе на ландшафтного дизайнера. Знаете, это очень модная профессия. А главное, там совсем необязательно иметь вкус. Главное: заверять с уверенностью, что так модно, – Лука опять засмеялся, а Кириллу почему-то стало неприятно и обидно за девушку.

– Она лишена вкуса? – спросил он с плохо скрываемым раздражением.

– Кто? Федора? Что вы! Этот сад проектировала она. Её дипломная работа.

– Дипломная работа? Но она же ещё не окончила учёбу.

– И что?

– Как вы думаете, кому выгодно исчезновение Федоры? – Кирилл внимательно смотрел в лицо собеседника, пытаясь понять его реакцию.

Лука так взглянул на следователя, что последнему показалось, будто его насквозь проткнуло несколько игл.

– Кому? Не думаете ли вы, что Глеб осмелился бы на такое, не спросив разрешения Глафиры Ивановны. *Cherchez la femme*, как говорят французы.

Глава 7

— Что он тут ходит? Что всё вынюхива

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.